

Где Смертный Бог встречается с Реальным: теория государства в контексте философии С. Жижека и М. А. Рейснера

МАРК А. БЕЛОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1554-7936

Рекомендация для цитирования:

Белов М. А. (2024) Где Смертный Бог встречается с Реальным: теория государства в контексте философии С. Жижека и М. А. Рейснера. *Социология власти*, 36 (1): 61-77. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-61-77>

For citations:

Belov M. A. (2024) Where the Mortal God Meets the Real: The Theory of the State in the Context of the Philosophy of Žižek and Reiser. *Sociology of Power*, 36 (1): 61-77. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-61-77>

Поступила в редакцию: 12.01.2024; прошла рецензирование: 28.02.2024; принята в печать: 01.03.2024

Received: 12.01.2024; Revised: 28.02.2024; Accepted for publication: 01.03.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Copyright: © 2024 by the author.

Резюме:

Статья посвящена переосмыслению государства как политической формы с позиций психоаналитического понимания идеологии Славоем Жижек и теории государства Михаила Рейснера. В работе последовательно излагаются идеи Жижека раннего периода его творчества и теория государства Рейснера. Жижек, отвергая традиционное понимание идеологии как ложного сознания, представляет ее в качестве структурирующей реальность необходимости. В свою очередь, Рейснер рассматривает государство не только как инструмент угнетения, но и как психологический фантазм, основанный на идеях и бессознательных установках масс. Синтез идей Жижека с наследием Рейснера составляет главную цель данной статьи. При совмещении двух перспектив государство оказывается идеологией, организующей современный политический опыт и скрывающей некую травматиче-

61

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Статья основана на выпускной квалификационной работе, защищенной на юридическом факультете Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге в 2022 году под руководством Булата Назмутдинова, за что я выражаю ему искреннюю благодарность. Я признателен Ие Осветимской и Александру Погребняку за критику и ценные замечания в отношении текста на разных этапах работы над ним. Также хочу сказать спасибо Александру Закровскому за то, что открыл мне такого автора, как Михаил Рейснер.

скую невозможность символизации Реального. Попытка посмотреть на государство-идеологию сквозь призму психоанализа позволяет выявить механизмы его функционирования в качестве главного означающего, вокруг которого центрируется политико-правовой дискурс и политическая практика. Оказывается, что государство-идеология подменяет иные формы политических сообществ как темпорально, так и пространственно. Преодоление этой ситуации возможно через приведение фантасма государства обратно к психике человека. Это, в свою очередь, требует признания наличия не символизируемой нехватки в самой сердцевине символического порядка, подрывающей абсолютную власть государства-идеологии определять устройство политической реальности. Неочевидная интеллектуальная связь Жижека и Рейснера, их оригинальные взгляды на природу идеологии и государства позволяют по-новому посмотреть на принципы устройства современной политической формы и внести вклад в ведущуюся дискуссию о государстве.

Ключевые слова: Славой Жижек, Михаил Рейснер, теория идеологии, теория государства, символический порядок

Where the Mortal God Meets the Real: The Theory of the State in the Context of the Philosophy of Žižek and Reisner

Mark A. Belov

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1554-7936

Abstract:

The article is devoted to a rethinking of the state as a political form from the perspective of Slavoj Žižek's psychoanalytical understanding of ideology and Mikhail Reisner's theory of the state. The paper systematically outlines Žižek's ideas from the early period of his work and Reisner's theory of the state. Žižek, rejecting the traditional understanding of ideology as false consciousness, presents it as a necessity that structures reality. In turn, Reisner views the state not only as an instrument of oppression but also as a psychological phantasm based on the ideas and unconscious attitudes of the masses. Synthesising Žižek's ideas with Reisner's legacy forms the main aim of this article. In combining the two perspectives, the state turns out to be the ideology that organises contemporary political experience and conceals a certain traumatic impossibility of symbolising the Real. The attempt to look at the state-as-ideology through the prism of psychoanalysis reveals the mechanisms of its functioning as the main signifier around which political-legal discourse and political practice are centered. It turns out that the state-as-ideology replaces other forms of political communities both temporally and spatially. Overcoming this situation is possible through bringing the phantasm of the state back to the human psyche. This, in turn, requires a recognition of the presence of an unsymbolised lack at the very heart of the symbolic order, undermining

the absolute power of the state-as-ideology to determine the structure of political reality. The non-obvious intellectual connection between Žižek and Reisner and their original views on the nature of ideology and the state provide an opportunity to take a fresh look at the principles of the structure of the contemporary political form and to contribute to the ongoing debate on the state.

Keywords: Slavoj Žižek, Mikhail Reisner, theory of ideology, theory of the state, symbolic order

Введение

Славой Жижек стал известен как теоретик и критик идеологии в 1989 году после выхода в свет книги «Возвышенный объект идеологии». В этой работе Жижек подходит к проблеме идеологии прежде всего с позиций психоанализа. Центральной категорией фрейд-лакановского словаря здесь оказывается понятие фантазма. Согласно психоанализу Жака Лакана, фантазм функционирует как защитный механизм, скрывающий от субъекта травматическую невозможность символизации Реального. Противопоставление Реального и реальности также оказывается принципиальным. Если под реальностью психоанализ понимает символический мир человека, то Реальное находится за его пределами и не может быть символизировано. Для Жижека, таким образом, идеология есть не «ложное сознание», но сама социальная действительность, то, что формирует реальность, как результат фантазматического, фетишистского отвержения Реального [Жижек 1999: 28]. В центре этого процесса лежит принцип наслаждения, или *Jouissance*. Наслаждение отличается от удовольствия и помогает субъекту снимать с себя всякую ответственность. Субъект наслаждения получает удовольствие в форме непристойного, даже неприятного опыта, что позволяет ему в дальнейшем отказаться от него и сказать, что он был навязан субъекту против его воли [Sharpe, Boucher 2010: 8]. Это наслаждение достигается через совершение ежедневных ритуалов, воплощенных институционально и вращающихся вокруг богатого мира символических значений и т.н. главного означающего [Ibid.: 11].

Таким главным означающим может являться государство. Хотя теория идеологии Жижека повлияла на многочисленные работы в самых различных направлениях, начиная от культурной критики и заканчивая исследованиями права [Khader, Rothenberg 2013; De Sutter 2015], государство в этой оптике не становилось центральным предметом исследований. Оно не рассматривалось как идеология, воплощенная в пространственно-символическом универсуме, задающем и структурирующем границы политического действия. Между тем необходимость поиска новых инструментов концептуа-

лизации государства сегодня ощущается достаточно явно. Пандемия COVID-19 разрушила глобалистские надежды некоторых мыслителей, предрекавших уход государства, показав, что даже для тех, кого Зигмунт Бауман называл «глобальной элитой», границы имеют значение [Filiprov 2020: 41]. Военные конфликты, разворачивающиеся сегодня между национальными государствами, также подтверждают необходимость концептуального обновления и поиска нового подхода к превалирующему мышлению о государстве, которое представляет последнее в качестве главного института [Magun 2020: 4-5, 19]. Ресурсы для этого могут быть найдены внутри философии Жижека.

Исследователи Жижека делят его творчество на два периода: радикально-демократический и революционно-авангардный [Sharpe, Boucher 2010: 24]. Согласно мнению некоторых авторов, именно в радикально-демократический период Жижек разработал наиболее плодотворные способы анализа современной нам действительности путем синтеза лакановского психоанализа, диалектики и марксизма [Sharpe 2004; Parker 2013]. В дальнейшем Жижек развивал и уточнял эти положения, изменяя стратегию и характер политической борьбы, необходимой для преодоления кризиса. Поскольку основные положения теории идеологии были введены Жижеком именно в радикально-демократический период, в статье я прежде всего обращаюсь к работам, написанным до 1996 года [Sharpe, Boucher 2010: 24].

В статье я также опираюсь на наследие российского и советского юриста Михаила Рейснера (1868-1928). В своих трудах он оригинальным образом совмещал психологическую теорию права и марксизм, делая акцент на психологических и психоаналитических аспектах функционирования государства, чем ярко выделялся на фоне марксистско-ленинской доктрины государства как аппарата принуждения. Как и Жижек, Рейснер пытался переопределить идеологию, указывая, что она является не просто эпифеноменом экономического базиса, но реальной движущей силой, преодолеть которую возможно путем обращения к психике человека.

Кто-то сказал «идеология»?

Жижек выделяет три понимания идеологии: идеология-в-себе — идеология-для-себя — идеология-в-и-для-себя [Žižek 1994: 9]. Идеология-в-себе представляет собой классическое понимание идеологии как определенного набора идей и ценностей. Целью критики идеологии в таком случае является поиск скрытых интересов, стоящих за официальным дискурсом, путем анализа и интерпретации текста, поиска в нем несоответствий и лакун. Такой подход Жижек

называет считыванием симптомов [Ibid.: 10]. Это классическая марксистская процедура, заключающаяся в выявлении ложного сознания индивидов, понятого в качестве дисбаланса, заложенного в каком-либо идеологическом утверждении. Карл Маркс, по выражению Жака Лакана, изобрел симптом, поскольку первым обратил внимание на этот факт, отметив, что любой универсальный принцип требует конститутивного исключения. Поэтому каждая идеологическая универсалия, пишет Жижек, является «ложной» в той степени, в какой предполагает разрушение универсальности. Например, свобода, охватывающая множество отдельных свобод, содержит также свободу рабочего продавать свой труд, что может препятствовать реализации иных свобод, таких как политическое участие или экономическая свобода [Жижек 1999: 29]. Само словосочетание «ложное сознание» впервые употребляет Фридрих Энгельс в письме к Францу Мерингу: «Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным» [Энгельс 1965: 83]. Но ложность сознания ведет не только к заблуждениям касательно универсальности идей или неосознанности своих классовых интересов. В результате функционирования идеологии как ложного сознания люди создают ложные представления о самих себе, вследствие чего «порождения их головы» господствуют над ними [Маркс, Энгельс 1988: 9]. Уже здесь возможно наблюдать переход ко второму пониманию идеологии как идеологии-для-себя.

65

Идеологию-для-себя отличает овеществление идеологии. Идеи и представления являются порождением материального производства как базового социального процесса, осуществляемого людьми [Там же: 19]. В этом смысле идеи не предшествуют практикам, но производятся ими. Внимание на это, как замечает Жижек, обратил Луи Альтюссер, введя понятие идеологических аппаратов государства (ИАГ), которые поддерживают материальное существование идеологии в идеологических практиках, ритуалах и институтах [Žižek 1994: 12]. Альтюссер писал, что «идеология — это система (которая имеет собственную логику и строгость) представлений (которые могут выступать в форме образов, мифов, идей или понятий), обладающая определенным историческим бытием и определенной исторической ролью в пределах того или иного конкретного общества» [2006: 327]. Любое историческое общество есть социальная тотальность, в которой идеология представляет собой органическую часть [Там же]. Идеологически аппараты государства, таким образом, составляют собой набор «реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов» [Альтюссер 2011]. Воздействие ИАГ на индивида происходит

путем интерпелляции (*l'interpellation*), в том числе для превращения его в субъекта права и гражданина государства. На человека в этом случае налагается не только формальный статус, но, как пишет Альтюссер, индивидуум в результате «вербовки» становится именно субъектом, то есть принимает тот факт, что «обратились именно к нему» [Там же].

Два указанных подхода трансформировались и в новой форме воплотились в третьем понимании идеологии как идеологии-в-и-для-себя, в котором идеология проецируется внутрь себя. Как пишет Жижек, «происходит дезинтеграция, самоограничение и самораспространение понятия идеологии» [Žižek 1994: 14]. Идеология больше не является исключительно универсализирующей идеей, обеспечивающей сплочение всего общества, как это было с тоталитарными идеологиями фашизма и сталинизма, но в то же время распадается на множество различных на первый взгляд нейтральных сфер. Так, законодательство воспринимается как построенное на непредвзятых и ценностно-нейтральных основаниях, тогда как на самом деле оно всегда основывается на некоторых пропозициях и убеждениях относительно субъекта права [Ibid.: 15]. Таким образом, идеология, с одной стороны, распадается на множество как бы не связанных между собой институтов, основанных на ценностных убеждениях, а с другой стороны, обеспечивает единство общественной структуры через их взаимосвязь. Но подобное понимание идеологии не выполняет никакой объяснительной работы, поскольку просто переименовывает любой объект своего исследования в «идеологию» [Sharpe 2004: 26]. «Идеология» становится аналитическим инструментом, который в попытке охватить и объяснить все, на самом деле не объясняет ничего. Кроме того, как указывает Жижек, современное позднекапиталистическое общество характеризуется его сторонниками как «постидеологическое», в том смысле, что публичное поле коммуникации открыто и доступно для всех мнений. Однако на самом деле нынешнюю ситуацию следует рассматривать с позиций цинического разума.

Цинический разум оказывается «просвещенным ложным сознанием», понимающим, что за установленными идеологическими универсалиями находятся частные интересы, но не собирающимся отказываться от этих универсалий [Жижек 1999: 36]. Поэтому каждое из трех представленных пониманий идеологии оказывается проблематичным в использовании при осмыслении современной идеологической ситуации. Люди больше не верят в тотальные идеологии, осознают идеологичность государственных институтов, а анализ отдельных сфер идеологии-в-и-для-себя не предлагает никакого конкретного понимания того, в чем заключается специфика идеологии сегодня. Для формулирования

собственного видения проблемы Жижек отталкивается от пост-структуралистской интерпретации социальности Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Прежде всего Лакло отмечает, что сегодня мы вынуждены признать бесконечность социального, то есть что любую социальную систему постоянно окружает «избыток значения» [Лаклау 2003: 55]. Вместе с этим «тотальность» не исчезает, но переходит в относительную и изменчивую форму. «Тотальность» в таком понимании социального представляет собой попытку установления гегемонии над социальным, которое, в свою очередь, всегда выходит за рамки попыток конструирования общества [Там же: 55-56]. Дискурс всегда неполноценен, не завершен и может быть изменен другими дискурсами, а завершенная структура — лишь представление в воображении, существующее для того, чтобы сделать действия осмысленными [Йоргенсен, Филлипс 2008: 77-78].

Политическая борьба, таким образом, ведется за переопределение плавающих означающих, подвергающихся множественным артикуляциям со стороны агонистически-равных субъектов [Лаклау 2009: 63]. Практики гегемонии создают временный и неустойчивый социальный порядок, который в любой момент может быть переопределен [Муфф 2013]. Но одной борьбы за гегемонию оказывается недостаточно. Как указывает Жижек, субъект может разочароваться в господствующем означающем, но при этом продолжить осуществлять воспроизводящие его практики, оставаясь на цинической дистанции. Кроме того, даже если субъекты принимают новое господствующее означающее, то это редко приносит реальные изменения, поскольку субъекты продолжают действовать по привычке, а государственный аппарат от обещаний новых идеалов постепенно возвращается к прошлой бюрократии [Sharpe, Boucher 2010: 9]. Именно это, по мнению Жижека, произошло с Октябрьской революцией. Иосиф Сталин, избрав путь построения «социализма в отдельно взятой стране», отказался от культурной революции, которая, по мысли Владимира Ленина, еще только должна была произойти и подготовить почву для внедрения коммунистических принципов [Žižek 2017: 42-43].

Неполноценность дискурса, или языка, была взята Лакло и Муфф из лакановского психоанализа и перенесена на состояние общества [Йоргенсен, Филлипс 2008: 82]. Но Жижек добавляет, что расколотыми, то есть не имеющими окончательного значения, оказываются не только означающие, но и сам субъект. Дело в том, что одной из функций идеологии как символического порядка является сокрытие того факта, что он построен вокруг травмирующей невозможности полной символизации бытия [Žižek 2003: 370]. Этой невозможностью является Реальное, которое остается

по ту сторону понимаемой реальности [Узланер 2022: 161]. Само по себе Реальное является полнотой, но именно символизация вводит некоторую пустоту, нехватку, которая сосредотачивается в самом центре символического порядка [Жижек 1999: 172]. Именно с этой нехваткой оказываются связаны *Jouissance* и фигура большого Другого, в котором субъект пытается найти удовлетворение, чью тайну он пытается разгадать. Устойчивость социальной действительности зиждется на некотором незнании с нашей стороны [Там же: 28]. Это незнание одновременно оказывается тайной большого Другого, которую пытается разгадать субъект, и условием познания как такового. Субъект оказывается символически кастрирован, то есть редуцирован до означающих, которые якобы его выражают, и в то же время захвачен тайной Другого, помещен в символический порядок [Там же: 51].

68

Идеология в таком случае всегда оказывается идеологией идеологии, в том смысле что субъект, находящийся внутри идеологии, не верит, что он подвержен идеологическому воздействию [Sharpe 2004: 28]. Разве не это происходит с государством? По точному замечанию Александра Пятигорского, мы всегда говорим о власти, которая приходит и уходит, но делает она это в государстве [2007: 80]. Парадоксальность положения субъекта состоит в том, что он ощущает себя исключенным из тайны Другого, но при этом в силу описанного процесса символизации уже оказывается частью символического порядка: «...именно постольку, поскольку мы отделены от Другого, мы уже являемся частью его игры» [Жижек 1999: 72]. Например, мы желаем проникнуть в тайну функционирования государства, которая отделена от нас работой бюрократии. Мы можем попытаться сделать это через официальное обращение в государственные органы по стандартизированной форме, что уже включает нас в эту игру. Но, не добившись удовлетворительного результата, мы продолжаем направлять новые и новые заявления, пытаюсь проникнуть в тайну государства, получая удовольствие от этого неприятного опыта.

Тайна государства как политической формы может быть разгадана, если мы взглянем на нее как на идеологию, структурирующую наше повседневное политическое взаимодействие. Государство-идеология так же, как и любая другая идеология, располагается вокруг некоторой травмирующей невозможности. Это не просто иллюзия, но опора нашей политической действительности, структурирующая общественные отношения [Там же: 52]. Обсуждение того, чем является эта травмирующая невозможность, не входит в цели данной статьи. Но не будет ошибкой предположить, что одной из таких реальных сущностей по-прежнему является *bellum omnium contra omnes*, война всех против всех — страх распада социального

порядка, спасти от которого может лишь ужас перед «Смертным Богом» [Гинзбург 2010: 21]. Одним же из первых, кто обратил внимание на то, что государство функционирует по принципу идеологического фантазма, был Михаил Рейснер.

Государство-идеология

«Действительно популярным в России психоанализ стал после революции 1917 года» — пишет Александр Эткин, предваряя главу, посвященную психоанализу в Стране Советов [Эткин 1994: 171]. После учреждения Русского психоаналитического общества в 1922 году к нему присоединяется Рейснер, о котором Эткин упоминает лишь то, что его концепция вытеснения предвосхитила фрейдомарксистский синтез Герберта Маркузе и Вильгельма Райха [Там же: 188, 219]. Однако Рейснер начал предпринимать попытки соединения марксизма и психоаналитических интенций задолго до Октябрьской революции, и наиболее богаты неортодоксальными идеями его работы дореволюционного периода. Поворот к Фрейду действительно произошел в 20-е годы, но еще в 1908 году выходит труд под названием «Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология», где Рейснер оригинальным образом соединяет психологическую теорию права с марксизмом, выводя из этого уникальное для своего времени понимание государства как идеологии.

69

Об интеллектуальном развитии теории Рейснера я писал в другом месте [Белов 2023]. В рамках данной статьи нас прежде всего интересуют его положения о государстве и идеологии, которые, однако, не будут понятны без хотя бы краткого освещения основных аспектов психологической теории права и государства, оказавшей на Рейснера огромное влияние.

Психологическая теория была разработана российским юристом польского происхождения Львом Петражицким. Его основная идея заключалась в том, что «право есть психический фактор» [Петражицкий 1905: VII]. Оно существует «в голове» субъекта [Там же: 8], а во внешний социальный мир проявляются лишь фантазмы. Фантазм — проекция вовне психических переживаний, происходящих в сознании человека. Любые отношения власти являются проецированием права повеления на другое лицо и самообязыванием к подчинению [Петражицкий 1909: 206]. Институты есть не что иное, как объективированные правовые нормы и правовые предубеждения членов определенной группы, а конституции и законы являются правовыми убеждениями сильнейших [Оливекрона 2012: 392]. Государство в этой интерпретации оказывается эмоциональной проекцией людей,

а не чем-то реальным [Петражицкий 1909: 198], существующим независимо от субъекта.

Рейснер отталкивается от психологической интерпретации государства, однако особенно подчеркивает, что на современном этапе государство отделилось от своих творцов. Самообязывание к подчинению государственной власти происходит вовсе не добровольно, но в силу овеществления фантазмов. Люди рождаются для того, чтобы стать гражданами [Рейснер 1908: 5], ведь государство существует до рождения каждого отдельного индивида, и потому представляется чем-то естественным. То есть еще до момента самоидентификации человек попадает в символический порядок, номинирующий его определенным образом — гражданином. Рейснер пишет, что «Природа огосударствленная объявляет войну природе, оставшейся позади» [Там же: 6]. Позади остается социальная природа, породившая государство в качестве политической формы. Указывая на то, что государство является отделившейся природой, Рейснер подразумевает его фантазматичность. Целью критического анализа государства тогда становится истребление правовых фантазмов и возвращение их к действительности, то есть к психике [Там же: 4, 41].

70

За инструментами для этого возвращения Рейснер обращается к марксизму, чьей задачей он видит выяснение характера и вскрытие истинного содержания государственной идеологии [Там же: 126]. Государство же представляется Рейснеру первой идеологической властью, которая становится независимой от людей и начинает порождать дальнейшие идеологии, например, правовую идеологию [Там же]. Сама идеология понимается Рейснером в стандартных марксистских терминах. Это совокупность идей, принципов, норм и идеалов, которые подлежат воплощению в процессе материальной деятельности людей. Новация Рейснера состоит в том, что он обращает внимание не только на социально-экономический, но также на психологический аспект проблемы идеологии и государства [Рейснер 1918: IX]. Наше переживание государства как психологического фантазма основывается на языковой природе человека. В акте номинации мы находим рациональное восприятие, разграничиваем и упорядочиваем вещи в пространстве. Общепризнанные имена отображают объективность и общезначимость явлений социального мира, что позволяет как переносить эти явления в психику человека, так и опрокидывать их на внешний социальный мир [Там же: 68, 71]. В результате многократного повторения изначально произвольный социальный факт возводится в естественную норму, приводя к появлению абстрактного и безличного авторитета. Эта абстрактная форма фантазма коренится в прошлом. Изначально норма устанавливается реальным человеком, но постепенно кон-

кретное лицо заменяется императивом образа, перерастающего в коллективное образование. Это движение, напоминающее первобытный закон отца, описанный Зигмундом Фрейдом, оканчивается переходом к абсолютному императиву, когда забывается даже авторитет, а норма становится обязательной просто в силу своего существования [Там же: 119-124].

Государство когда-то явилось подобным императивом. Самой существенной характеристикой, отличающей государство от других форм политических сообществ, является идея суверенной власти [Рейснер 1908: 121]. Представление о верховенстве власти государства формируется в результате комбинации психических и эмоционально-интеллектуальных процессов многих людей, что приводит к появлению абстракции «единой воли» [Петражицкий 1909: 210]. Эта преодолевающая воля стоит над каждым индивидом [Рейснер 1919: XXIII], создавая, как выразился бы Пьер Бурдьё, впечатление «точки зрения на все точки зрения» [Бурдьё 2016: 94]. Воздействие этого императива дополняется действиями «привилегированной интеллигенции», которая превращает свои рациональные идеи в мистический фетиш для удержания монопольного положения [Рейснер 1925: 118]. В результате, говоря словами Антонио Грамши, возникает гегемония, а привилегированной интеллигенцией, несомненно, является так называемая традиционная интеллигенция, которая пытается сохранить свою непрерывную историческую преемственность [Грамши 1959: 460]. Рейснер пишет, что к привилегированной интеллигенции относятся богословы, юристы, поэты [Рейснер 1925: 120]. Такие интеллигенты мнят свою догму непогрешимой. Это приводит к тому, что жизнь отделяется от отражающего ее символа, который «приобретает черты мистического божества, царящего в бессознательной рутине своих поклонников» [Там же: 119]. Но поскольку идеология функционирует на уровне бессознательных процессов, сама традиционная интеллигенция также оказывается подвержена императиву фантазма. Официальные лица исполняют сценический образ, действуя не самостоятельно, но по заранее написанному сценарию [Рейснер 1918: VIII-IX]. Позднее Альтюссер напишет, что все участники эксплуатации, включая эксплуататоров, должны «проникнуться» идеологией, чтобы «сознательно» исполнять свои обязанности [2011].

Таким образом, вычленив главное из теории государства Рейснера, можно говорить о том, что в его понимании государства как идеологии визионерским образом проявились все три понимания идеологии, представленные Жижеком. Рейснер исходит из классического марксистского понимания идеологии-в-себе, отмечая, что идеи есть не абстрактные сущности, но результат социально-психо-

логической человеческой деятельности. Затем он переходит к идеологии-для-себя, показывая, как происходит воспроизводство государства-идеологии на уровне повседневных практик государственных служащих. Кроме того, Рейснер видит материальность идеологии задолго до Альтюссера. Государство, хотя реально и не содержится в материальном мире, все же проникает в него через государственные предметы: государственные печати, государственных служащих, государственные учреждения [Рейснер 1918: VI]. Это есть выход символического в материальный мир. Из психологической теории права возможно также вывести идеологию-в-и-для-себя, поскольку Петражицкий и Рейснер прямо заявляют о том, что на институты и законодательство влияют правовые предубеждения сильнейших.

Государство как идеологический фантазм

72

Главная точка, предоставляющая возможность сближения теории идеологии Жижека и теории государства Рейснера, лежит в их общем понимании этих явлений в качестве фантазмов, структурирующих действительность. Как и Жижек, Рейснер осознает неизбежность существования идеологии в том или ином виде, поскольку она является извечным спутником человеческих сообществ [Там же: IX]. Марксизм, по мнению Рейснера, позволяет осознать связь между экономикой и политикой, тем самым предотвращая от впадения в метафизику и наделения государства самостоятельной сущностью [Рейснер 1908: 120]. Но важно не только осознать государство как политическую форму, возникающую на пересечении социальной ткани и капиталистического обмена [Маскару 2022: 33], но также как отвлеченный от психики людей фантазм, организующий общественные отношения [Рейснер 1908: 146]. Государство-идеология претендует на тотальность по отношению к социально-политической реальности. Причем не только в синхронном, но и диахронном измерениях.

Жижек подчеркивает, что главным достижением Лакана было указание на то, что большой Другой, символический порядок, также расколот, как и субъект [Жижек 1999: 128]. Господствующее означающее всегда находится на грани распада, поскольку оказывается структурировано вокруг принципиальной неполноты. Подобное состояние позволяет господствующему означающему выстраивать цепочку из меньших означающих, чье означаемое остается не зафиксированным до определенного момента, когда скольжение смысла останавливается, и вся цепочка приобретает смысл ретроактивно [Žižek 2003: 350-351]. К примеру, государство может являться таким господствующим означающим, за которым тянется цепочка других означающих: территория, население, власть. Принято считать, что наличие трех этих компонент говорит о возможности признать какое-либо исто-

рическое сообщество государством. Если следовать психоаналитическому подходу, то цепочка номинации идет в противоположную сторону. Мы хотим видеть государство в качестве внеисторической формы политического опыта, а потому придаем значение указанным признакам, исходя из понимания господствующего означающего. Как еще можно было бы объяснить то, что современные учебники по теории государства и права делят всю историю политических сообществ исключительно на родоплеменной и государственный строи [Марченко 2017: 109]? Государство в учебниках появляется уже в античности, подменяя греческий полис, римскую республику и средневековые города. Это же происходит с государством-фантазмом Рейснера, скрывающим авторитет своего образа в истории. Укорененность фантазма в прошлом препятствует его преодолению. Классическая марксистско-ленинская теория утверждала, что переходной формой между существующим государственным строем и бесклассовым обществом является государство диктатуры пролетариата. Но Рейснер еще до революции 1917 года предупреждал, что введение государства-идеологии в революционный проект не приведет к переходной форме, но лишь превратит диктатуру пролетариата в диктатуру пролетарской канцелярии, поскольку государство продолжит мыслиться в буржуазной терминологии [Рейснер 1908: 147-148]. Революционное желание существует лишь потому, что существует сама власть, которую это желание стремится преодолеть [Newman 2019: 79]. Но парадоксальным образом после свержения одной власти следует иная власть, провоцирующая новое желание. Революционный субъект оказывается вписан в либидинальную экономику, где цель постоянно отсрочивается, принося ему извращенное удовольствие [Žižek 2015: 232]. Недостаточно захватить государственный аппарат, дожидаясь, пока пройдет промежуточная стадия и установится коммунизм, поскольку эти стадии становятся нескончаемыми и рассматриваются как фетишистская замена предполагаемой утопии [Hamza 2020: 191]. Бесконечное количество этапов позволяет искусственно удлинять путь к предполагаемой цели, не совершая при этом никаких реальных изменений.

Ответом Жижека на постоянную погоню за наслаждением является влечение-к-смерти. Оно означает приостановку преследования наслаждения, поскольку обнаруживает, что за символическим порядком скрывается не полнота, но реальное бытие нехватки [Сюткин 2019: 423]. Субъект избегает отчуждения за счет отождествления своей нехватки с нехваткой в Другом [Жижек 1999: 128]. Перейти за/через фантазм оказывается необходимым для выявления истинного устройства реальности. Этой же целью задавался Рейснер, когда писал о необходимости приведения фантазма обратно к человеческой психике. Осознание рукотворности государства-идеологии,

по мысли Рейснера, позволило бы перестать искать в нем преобладающую силу, стоящую над каждым. После этого «государство погибнет, но организованное, а следовательно, и политическое общество останется» [Рейснер 1908: 166].

Заключение

Теория государства Рейснера вкупе с теорией идеологии Жижека позволяет посмотреть на государство с неожиданной точки зрения. Оба мыслителя дополняют друг друга в своих размышлениях. Наследию Жижека не хватает теории государства, а многие интенции Рейснера могут быть уточнены сегодня более детально, благодаря долгому развитию критики идеологии. Исследование государства как идеологического фантазма, организующего нашу действительность, может пролить свет на различные аспекты политической жизни, упускаемые нами в повседневной деятельности. Мы можем обнаружить, что социально-политические практики постоянно центрированы вокруг неприятного опыта взаимодействия с государством. Мы посылаем обращения, общаемся с государственными служащими, занимаемся бюрократической работой, ходим в суды. Мы стараемся избежать этого опыта, но когда он все же случается, мы получаем странное чувство удовлетворения либо от того, что это закончилось, либо, если повезет, от достижения своей цели. И этот поход за удовольствием подпитывается нашим желанием понять, в чем же состоит секрет устойчивости государства. Существующие подходы к государству, воспринимающие его в качестве субъекта действия, не могут ответить на этот вопрос. Однако если мы попытаемся посмотреть на государство как на символическое пространство большого Другого, в которое мы помещаемся с самого нашего рождения и в отношении которого определяем себя в дальнейшем, то, возможно, мы сможем приблизиться к разгадке тайны формы государства.

74

Библиография / References

Альтюссер Л. (2006) Марксизм и гуманизм. Л. Альтюссер. *За Маркса*, М.: Праксис: 311-352.

— Althusser L. (2006) Marxism and humanism. L. Althusser. *For Marx*, M.: Praxis: 311-352. — in Russ.

Альтюссер Л. (2011) Идеология и идеологические аппараты государства. *Неприкосновенный запас*, 3(77). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 12.01.2024).

— Althusser L. (2011) Ideology and the ideological apparatuses of the state. *Neprikosnennyj zapas*, (3) (accessed 01/12/2024). — in Russ.

Белов М. А. (2023) Развитие психологической и марксистской правовых концепций в критических идеях советского периода. И. И. Осветимская, Е. Н. Тонков (ред.). *Критические теории права: коллективная монография*, СПб.: Алетея: 113-127.

— Belov M. A. (2023) The development of psychological and Marxist legal concepts in critical ideas of the Soviet period. I. I. Osvetinskaya, E. N. Tonkov (eds.). *Critical Theories of Law: Collective Monograph*, St. Petersburg: Aletheia: 113-127. — in Russ.

Бурдьё П. (2016) *О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*, М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

— Bourdieu P. (2016) *On the State: Lectures at the Collège de France (1989–1992)*, М.: “Delo” Publishing House RANEP. — in Russ.

Гинзбург К. (2010) *Страх. Почтение. Ужас*, М.: проект lettera.org.

— Ginzburg C. (2010) *Fear. Reverence. Terror*, М.: lettera.org project. — in Russ.

Грамши А. (1959) *Тюремные тетради*, М.: Издательство иностранной литературы.

— Gramsci A. (1959) *Prison Notebooks*, М.: Foreign Literature Publishing House. — in Russ.

Жижек С. (1999) *Возвышенный объект идеологии*, М.: издательство «Художественный журнал».

— Žižek S. (1999) *The sublime object of ideology*, М.: Publishing House “Art. magazine”. — in Russ.

75

Лаклау Э. (2003) Невозможность общества. *Логос*, 4-5(39): 54-57. EDN YRPJVD.

— Laclau E. (2003) The impossibility of society. *Logos*, (4-5): 54-57. — in Russ.

Лаклау Э. (2009) О популизме. *Вестн. Моск. университета. Сер. 12. Политические науки*, 3: 54-68.

— Laclau E. (2009) On populism. *Bulletin of Moscow University. Ser. 12. Political Science*, 3: 54-68. — in Russ.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. (2008) *Дискурс-анализ. Теория и метод*, Х.: Гуманитарный Центр.

— Jorgensen M., Phillips L. J. (2008) *Discourse Analysis as Theory and Method*, Kh.: Humanitarian Centre Publishing House. — in Russ.

Маркс К., Энгельс Ф. (1988) *Немецкая идеология*, М.: Политиздат.

— Marx K., Engels F. (1988) *The German Ideology*, М.: Politizdat. — in Russ.

Маскару А. Л. (2022) *Государство и политическая форма*, М.: Горизонталь.

— Mascaro A. L. (2022) *State and political form*, М.: Horizontal. — in Russ.

Марченко М. Н. (2017) *Теория государства и права: учебник*, М.: Проспект.

— Marchenko M. N. (2017) *Theory of State and Law: textbook*, М.: Prospect. — in Russ.

Муфф Ш. (2013) Радикальная демократия и агонистическая политика: Рецепт гегемонии для любой власти — для власти современной. *ГЕФТЕР*. URL: <https://gefter.ru/archive/10569> (дата обращения: 12.01.2024).

— Mouffe C. (2013) Radical Democracy and Agonist Politics: A Recipe for Hegemony for Any Power — for the Power of Modernity. *GEFTER*. — in Russ.

Оливекрона К. (2011) Возможно ли социологическое объяснение права? А. В. Поляков (ред.). *Российский ежегодник теории права*, № 4. СПб.: Издательский дом СПбГУ: 387-417.

— Olivecrona K. (2011) Is a sociological explanation of law possible? A. V. Polyakov (ed.). *Russian Yearbook of the Theory of Law*, No. 4. St. Petersburg: Publishing House of SPbSU: 387-417. — in Russ.

Петражицкий Л. И. (1905) *Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология*, СПб.: Типография Ю. Н. Эрлихъ.

— Petrażycki L. (1905) *Introduction to the Study of Law and Morality. Emotional Psychology*, St. Petersburg: Typography of Y. N. Ehrlich. — in Russ.

Петражицкий Л. И. (1909) *Теория права и государства в связи теорией нравственности. Т. 1*, СПб.: Типография товарищества «Екатерингофское Печатное Дело».

— Petrażycki L. (1909) *Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. Vol. 1*, St. Petersburg: Tipografiya comradeship “Ekaterinhofskoe Pechetatnoe Delo”. — in Russ.

Пятигорский А. (2007) *Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций*, М.: Европа. EDN: QOGVWP

— Piatigorsky A. (2007) *What is Political Philosophy: Reflections and Considerations. A series of lectures*, M.: Europa. — in Russ.

Рейснер М. А. (1908) *Теория Петражицкого, марксизм и социальная идеология*, СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».

— Reisner M. A. (1908) *Petrzhitsky's Theory, Marxism and Social Ideology*, St. Petersburg: Tipography of the “Public Utility” Society. — in Russ.

Рейснер М. А. (1918) *Государство. Часть 1. Идеология и метод*, М.: Издание Социалистической академии общественных наук.

— Reisner M. A. (1918) *The State. Part 1, Ideology and Method*, Publishing of the Socialist Academy of Social Sciences. — in Russ.

Рейснер М. А. (1925) *Проблемы социальной психологии*, Ростов н/Д: Буревестник.

— Reisner M. A. (1925) *Problems of social psychology*, Rostov n/D: Storm Petrel. — in Russ.

Рейснер М. А. (1991) *Фрейдизм и буржуазная идеология. Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа*, Л.: Эго: 5-35.

— Reisner M. A. (1991) *Freudism and bourgeois ideology. Wittels F. Freud. His personality, teachings and school*, L.: Ego: 5-35. — in Russ,

Сюткин А. (2019) Жиль Делёз среди новых материалистов: материалистическая диалектика против неовитализма. *Стасис*, 7(1): 420-447. EDN XTZJOD.

— Syutkin A. (2019) Gilles Deleuze among the new materialists: materialist dialectics versus neo-vitalism. *Stasis*, 7(1): 420-447. — in Russ.

Узланер Д. (2022) *Жак Лакан: введение*, М.: РИПОЛ классик.

— Uzlaner D. (2022) *Jacques Lacan: An Introduction*, M.: RIPOL Classic. — in Russ.

Энгельс Ф. (1965) *Письмо Францу Мерингу. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 39*, М.: Издательство политической литературы: 82-86.

- Engels F. (1965) Letter to Franz Mehring. Marx K., Engels F. *Complete Collected Works*. Vol. 39, M.: Publishing House of Political Literature: 82-86. — in Russ.
- Эткинд А. М. (1994) *Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России*, М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс.
- Etkind A. M. (1994) *Eros of the Impossible: The Development of Psychoanalysis in Russia*, M.: Gnosis; Progress-Complex. — in Russ.
- De Sutter L. (ed.). (2015) *Žižek and Law*, N. Y.: Routledge.
- Filippov A. (2020) The State in the International Legal Order. A. Magun (ed.). *The Future of The State Philosophy and Politics*, Lanham: Rowman & Littlefield: 39-64.
- Hamza A. (2020) The March of God or the Žižekian Theory of the State. A. Magun (ed.). *The Future of The State Philosophy and Politics*, Lanham: Rowman & Littlefield: 187-204.
- Khader J., Rothenberg M. (eds.). (2013) *Žižek now! Current Perspectives in Žižek Studies*, Cambridge: Polity Press. <https://doi.org/10.1093/OBO/9780190221911-0080>
- Magun A. (2020) Introduction. A. Magun (ed.). *The Future of The State Philosophy and Politics*, Lanham: Rowman & Littlefield: 1-22.
- Matthew S. (2004) *Slavoj Žižek: A Little Piece of the Real*, London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315243009>
- Matthew S., Boucher G. (2010) *Žižek and Politics: A Critical Introduction*, Edinburgh: Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9780748642229>
- Newman S. (2019) *Political Theology: A Critical Introduction*, Cambridge: Polity. <https://doi.org/10.1057/s41296-019-00325-z>
- Parker I. (2013) Žižek's Sublime Objects Now. J. Khader, M. Rothenberg (eds.). *Žižek and Politics: A Critical Introduction*, Edinburgh: Edinburgh University Press: 16-30.
- Žižek S. (2003) Che vuoi? Žižek S. (ed.). *Jacques Lacan: Critical Evaluations in Critical Theory*, London: Routledge: 338-375.
- Žižek S. (2015) Postscript: The Rule of Law Between Obscenity and the Right to Distress. *Žižek and Law*, N. Y.: Routledge: 220-247.
- Žižek S. (2017) Introduction: Remembering, Repeating and Working Through. S. Žižek (ed.). *Lenin 2017 Remembering, Repeating, and Working Through*, London: Verso: 8-56.

Марк Антонович Белов — стажер-исследователь Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Научные интересы: теория государства, критическая теория, учредительная власть. ORCID: 0000-0002-1554-7936. E-mail: mbelov@eu.spb.ru

Mark A. Belov — Research Assistant, Centre for Historical Research, HSE University in St. Petersburg. Research interests: theory of the state, critical theory, constituent power. ORCID: 0000-0002-1554-7936. E-mail: mbelov@eu.spb.ru